

Спецхранная ММТ.

1967.

№5.

Спец. М

повиена
50-летие
Октябрь (рв.).

ТЕОДОР ДРАЙЗЕР

ИЗ ДНЕВНИКА

Москва

Понедельник, 14 ноября 1927 г.

Утром я поехал на кондитерскую фабрику «Красный Октябрь», очень большое предприятие, расположенное на противоположном от Кремля берегу Москвы-реки. Сначала нас провели в комнаты, занимаемые фабричным комитетом, где я разговаривал с одним из его членов. Он объяснил, что, как и на каждой фабрике, их комитет избирается рабочими для защиты своих интересов. Комитет состоит из пятнадцати человек, включая восемь кандидатов, и трое из них посвящают все свое рабочее время работе в комитете и получают за это заработную плату от фабрики. Комитет заключает коллективное соглашение между администрацией и рабочими, которое пункт за пунктом обсуждается на общем профсоюзном собрании.

В случае каких-либо споров между администрацией и рабочими спорные вопросы разрешаются специальной конфликтной комиссией, в которую входят в равном числе представители как от администрации, так и от рабочих. Местное отделение профсоюза — «местком» избирает своего представителя в Московский Совет профсоюзов, и этот представитель каждый день во время обеденного перерыва принимает рабочих, желающих поговорить с ним. Рабочие обедают в столовой, которая находится здесь же, на фабрике. При фабрике также имеется свой клуб. На «Красном Октябре» — 3 600 рабочих и служащих.

На мой вопрос относительно того, как у них обстоит дело с сырьем, член фабкома объяснил, что Наркомат пищевой промышленности снабжает все предприятия через свои склады. Что касается того, возможны ли какие-то злоупотребления в связи с такой системой снабжения, то все рабочие, собравшиеся вокруг нас в фабкоме, единодушно заявили, что они практически исключаются, так как существует строгий Государственный контроль и Рабоче-крестьянская инспекция.

В том же помещении, где находится фабком, размещается и местная ячейка коммунистической партии, которая имеет ведущее влияние во всей работе.

* Записи — машинопись, на английском языке, хранятся в Центральном Государственном архиве Октябрьской революции в фонде ВОКС (ф. 5206, ст. 1, д. 142) — продиктованы Драйзером Рут Кеннед, находившейся в то время в России и выполнявшей у Драйзера обязанности секретаря и гида. Сначала записи идут от ее лица, а затем, начиная с публикуемой записи от 14 ноября, от лица самого Драйзера. Печатается с сокращениями.

Затем нас провели в ясли, которые обслуживают около 88 процентов всех работающих на фабрике женщин. Грудных и маленьких детей приносят сюда на десять часов в день. Кормящим матерям предоставляется два часа их рабочего времени (которые полностью оплачиваются), для того чтобы пойти в ясли и накормить своих детей. На меня произвели очень большое впечатление как сама идея устройства дневных ясель, так и их прекрасное оборудование и привлекательный внешний вид. Здесь имеются комнаты для грудных детей, где стоят кровати с сетками, за детьми ухаживают специально подготовленные няни; комнаты для игр детей постарше, кровати, в которых эти дети отдыхают днем, столовые. Еще не закончена, но уже строится большая стеклянная терраса для прогулок. Старшая сестра сказала, что смертные случаи в яслях чрезвычайно редки по сравнению с прежними годами.

Потом мы отправились осматривать фабрику, на которой изготавливаются различные виды кондитерских изделий, шоколада и пирожных. Вполне современное оборудование, цеха очень чисты, в порядке, рабочие в белых фартуках. Но многие виды сортировочных и упаковочных работ выполняются вручную.

Москва

Среда, 16 ноября

...В 6 часов вечера я поехал на встречу с Сергеем Эйзенштейном, кинорежиссером, писателем и постановщиком «Потемкина». Его комната — одна из шести комнат общей квартиры, занимаемой шестью семьями, — довольно большая для Москвы. Он сам разрисовал стены, на потолке — какой-то фантастический бычий глаз в конвульсивных цветных разводах; над письменным столом — плакат, реклама нового сепаратора для сливок, на стенах — фотографии из фильмов. Эйзенштейн — молодой человек лет 29, небольшого роста, плотный, с обаятельным мальчишеским лицом, голубыми глазами и массой густых, курчавых волос.

Я начал с вопроса, касающегося общей организации кинопромышленности в России. Он сказал, что вся кинопромышленность в стране государственная, и во главе ее стоит Наркомат просвещения (Луначарский). О кинопродукции он сказал, что за последние три года выпущено лишь три или четыре значительных картины, среди них «Потемкин» и «Мать» Пудовкина (по Горькому). В советском кино можно выделить три основных направления: 1) Эйзенштейн, 2) западный тип (Пудовкин), 3) хроникальное кино.

Теория Эйзенштейна заключается в следующем: во-первых, никакого сюжета, никакого драматургического повествования — этот кинематограф можно назвать скорее поэтическим. Во-вторых, никаких актеров, в картинах должны сниматься люди, взятые прямо «с улицы», это возможно, поскольку у него нет больших драматических сцен, но в самой повседневной жизни он находит драматизм, подлинный драматизм. Например, его новая картина, еще не вышедшая на экран — «Генеральная линия», — показывает, как кооперация преобразует бедную деревню.

Он считает, что «Кабинет доктора Калигера» («Cabinet of Dr. Caligega») — не путь для кино, индивидуальные судьбы интересуют его, только если они даны очень широко, в масштабах общечеловеческих. ...Сейчас он работает над идеей экранизировать «Капитал» Маркса.

Я сказал, что он пропагандист советской системы, и спросил, что он делал бы со своими идеями, например, в Южной Америке. Он ответил, что приспособил бы их к местным условиям, выделив, быть может, колониальную проблему. В Америке он попытался бы сделать что-то

для прогресса — скажем, в негритянском вопросе. Я назвал его идеалистом-романтиком.

Эйзенштейн сказал, что сейчас у него маленькая, плохая студия, но уже строится новая, современная.

Я сказал, касаясь России вообще, что русский темперамент таков, что через каких-нибудь три года Россия станет ведущей державой мира. В Америке мощным импульсом развития явилось наличие обширных неосвоенных пространств, в России великим толчком была революция...

Москва

Четверг, 17 ноября 1927 г.

Утром я поехал по приглашению Эйзенштейна на специально устроенный показ его фильмов «Октябрь» и «Генеральная линия».

«Октябрь» — это серия эпизодов Октябрьской революции в Петрограде, штурм Зимнего дворца и т. д. Снято это очень динамично и глубоко волнует.

«Генеральная линия» — реалистические сцены из деревенской жизни, например, подлинная церковная процессия или эпизод с бедной крестьянкой, пришедшей к богатому соседу с просьбой одолжить ей лошадь, чтобы убрать урожай. Богатый крестьянин и его жена буквально заплывли жиром, их дом завален добром, грубая роскошь их существования напоминает уклад феодальных баронов. Вслед за появлением толстой жены богатого крестьянина на экране возникает восковая фигура коктейльщицы изгибающейся свиньи, ее сходство с женщиной создает комический эффект...

Вечером отправился в Большой театр на оперу «Князь Игорь».

Москва

Пятница, 18 ноября 1927 г.

...В 5 часов вечера состоялся обед с Маяковским, крупнейшим русским писателем, принадлежащим к группе «Леф». Это молодой гигант, похожий на американского борца-профессионала. На обеду присутствовали Брик, литературный критик, его очаровательная жена Лилечка, Третьяков, автор пьесы «Рычи, Китай», которая сейчас идет в театре Мейерхольда, его супруга миссис Третьякова, тоже литератор. Все они представляют собой центральное ядро группы «Леф» и направляют ее политику. Еще присутствовал очень симпатичный бултерьер.

Сначала подали разные закуски — икру, рыбу, русские булочки, пили водку, вино, после чего все очень оживилось и стали сбивать коктейли. Я чувствовал себя уже совершенно сытым, когда появился настоящий обед: суп, гусь с яблоками и прочее. На десерт подали чернослив со взбитыми сливками. Я добавил в сливки водку и тем самым сделал замечательное открытие, которое после моего отъезда станет известно как «Сливки Драйзера».

Маяковский подарил мне книжку своих стихов. Потом они проводили нас до такси, и мы поехали на встречу с Таировым, руководителем Камерного театра.

Таиров кратко рассказал о направлении своего театра, так же хорошо известного в Европе, как и в России. При театре имеется театральная школа для актеров, весьма необычная, ибо студенты изучают в ней целый комплекс искусств — оперу, драму, комедию, пантомиму, трагедию, — потому что репертуар в театре самый различный. Декорации в спектакле играют важную роль и каждый раз служат решению опреде-

ленных задач — пластических, архитектурных, динамических. В декорациях — никакого натурализма, и актер может продемонстрировать все свое искусство. Декорации должны служить актеру.

На мой вопрос о том, как он собирается ставить «Макбета», Таиров ответил, что он хотел бы оставить простор для фантазии актеров и сделать минимум декораций.

Свет играет важную роль в спектакле. Камерный театр ставит в основном переводные пьесы. По каким принципам их выбирают? 1) Сценическая композиция, динамические возможности пьесы, новая архитектура. 2) Современные проблемы и современный дух пьесы. Почему они ставят так много иностранных пьес? Они ставят также много русских, но современных русских пьес еще не хватает. Советская драма еще молода. По его мнению, наиболее интересна современная драматургия, во-первых, в Америке, во-вторых, в Англии и во Франции.

Мы заглянули в зрительный зал, шел второй акт спектакля «День и ночь». Кажется, это была легкая пьеса, оформленная в футуристическом стиле. В конце акта появляется хор, в зал бросают маленькие бумажные самолетики.

Из Камерного театра отправились в Дом ученых, где Госиздат устраивал банкет для иностранных писателей. Маяковский сидел на самом видном месте и заставил слушать себя в течение всего вечера. Были тосты за разных иностранных писателей: из американцев присутствовали Анна Луиза Стронг, профессор Дана, Альберт Рис Вильямс, Мэри Рид. Я сказал несколько слов, и Маяковский заметил, что я оказался первым американцем, который после короткого пребывания в России признался, что не имеет определенных впечатлений и выводов; он сказал, что обычно, пробыв несколько дней в Москве, американцы уже пишут книги о России и думают, что все постигли.

...Было два часа ночи, когда мы сквозь пелену снега ехали домой на извозчике.

Москва

19 ноября 1927 г.

В 5 часов я поехал в Художественный театр к Станиславскому. Я увидел высокого, замечательной внешности пожилого мужчину с белыми волосами, блестящими темными глазами, лицо его производило поразительное впечатление благодаря какой-то особенной правильности и строгости крупных черт. Его секретарша, маленькая темноволосая женщина, говорит немного по-английски. (В основном переводила Рут Кеннел.)

Мой первый вопрос касался условий работы при новом строе. Он сказал, что, конечно, не сразу все пошло без задоринки, были и трудные дни, но они уже позади, сейчас все налаживается.

— Искусство вечно, и преходящие условия не меняют его существа. Были у нас искривления — особенно в подходе к внешним выразительным средствам, но сейчас искусство воспринимается в его истинном значении. Во время революции мы ушли далеко в поисках нового, и то ценное, что нам удалось найти, становится неотъемлемой частью бессмертного искусства.

Я спросил его:

— Что из старого в области искусства вы отбросили и что из нового приняли?

— Основная роль Художественного театра состояла в том, чтобы утверждать в театре традицию искусства актера. Декорации и мизансцены важны только как фон. Это теория внутреннего искусства в противоположность искусству внешних форм. Художественный театр — это

единственный театр, который ведет работу в области внутреннего актерского творчества, все остальные занимаются вопросами декораций, решением мизансцен и прочими проблемами внешней выразительности. Революция принесла с собой очень много в этой области, много нового она дала и в смысле содержания пьес.

Нельзя петь одними и теми же голосами и старые гимны и новые, и все это сейчас в процессе взаимопроникновения и вхождения в нормальную колею.

...Но, — сказал он, — я не понимаю, я не могу почувствовать, как можно ставить старые пьесы, скажем, Шекспира, в какой-нибудь новомодной манере. Правда, я не отрицаю, что молодежь может смотреть на Шекспира другими глазами. И пусть они ставят его так, как чувствуют. Но искажать Шекспира, перекраивать Шекспира — значит совершенно не понимать природу творчества. Художественная концепция — это живой организм. Нельзя у человека отрезать руку и поставить ее вместо ноги. Однако мы лишь выигрываем в итоге всех этих экспериментов. Самое худшее для искусства — застой. Много лучше, когда оно движется, пусть даже и в неправильном направлении.

В нашем театре мы считаем, что союз нового и старого весьма обнадеживает.

Когда мы вернулись из Америки, то обнаружили, что молодежь смотрит на нас как на людей отставших, стариков. Но в прошлом году, а особенно в этом, они начали понимать, сколь много они не знают и сколь многому могут научиться от стариков. Они приходят ко мне из всех театров и просят меня открыть им «мои секреты». Именно поэтому мы решили, что серия лекций об искусстве актера, о работе актера над собой будет иметь большую практическую пользу, чем мои индивидуальные беседы с ними... Я замечаю сейчас, — сказал Станиславский, — тенденцию возврата к внутренним формам искусства; люди, кажется, уже устают от увлечения формой. Эти внешние формы совсем не обязательно плохи, некоторые из них очень хороши: кубизм, футуризм, импрессионизм, а с другой стороны — масса всякой чепухи и глупости. Следовательно, мы должны отбросить то, что плохо, и сохранить то, что хорошо. Например, декорации и мизансцены очень обогатились после революции, но внутреннее искусство актера осталось в прежнем виде. К внешним формам актерского мастерства добавилось очень много: движения, гимнастика, танец, пение — все это очень ценно.

Внешние формы театрального искусства пришли в театр из живописи, и они сами по себе выходят за пределы актерского искусства. Актер остается сам по себе, в этом не участвует, актер не может в силу специфики своего искусства выразить больше, чем выражает сама живопись. Футуризм и т. д. не может быть выражен на сцене. Таким образом, многие театры формального искусства строят свою работу с актерами, опираясь не на актера, а на что-то вне его. Когда мы научимся использовать живопись, так сказать, изнутри, тогда она принесет огромную пользу. Но сейчас во многих театрах современные, модернизированные декорации, всякого рода постановочные эффекты играют роль самодовлеющую, первостепенную, и актер пытается играть, приспособившись к оформлению, в итоге спектакль проигрывает. Или актер играет в старой манере, а декорации новейшие или наоборот, результат один и тот же — отсутствие гармонии... Наш театр использует только такие декорации, которые поддерживают искусство актера, для актера футуристической манеры мы используем футуристические декорации.

— Созданы ли за советское время какие-либо подлинные образцы драматургии?

— Как хроника «Дни Турбиных» и «Бронепоезд 14-69» очень хороши, хороша и новая пьеса Леонова, которую мы сейчас готовим.

...Искусство само по себе — явление органическое и изменяется очень медленно, но революция внесла много нового в его содержание. Искусство у нас будет играть и уже играет большую политическую и воспитательную роль. На каждой фабрике, в каждом рабочем клубе есть сейчас свой театральный кружок. Вся Россия теперь играет.

После беседы мы отправились осматривать музей Художественного театра. Здесь ценная коллекция рукописей пьес, старинные портреты и фотографии актеров, костюмы, макеты декораций и т. д.

Воскресенье, 20 ноября 1927 г.

В 12.45 ночи мы попытались сесть в поезд, отправлявшийся в Ясную Поляну, но оказалось, что все вагоны переполнены. Билеты у нас были в так называемый «Максим» (поезд имени Горького) с неплацкартными местами. Моя переводчица поговорила на вокзале с кем-то из ГПУ, сказала, что американский писатель едет в усадьбу Толстого, это делегат и т. п., и он устроил нас в первый вагон, предназначенный для служащих железной дороги. Но когда мы обо всем договорились, поезд тронулся. Мы побежали и успели вскочить во второй вагон, битком набитый людьми: лежали и сидели в три этажа на полках полутемного дымного вагона. Взглянув вверх, я мог видеть сапоги, свисающие рядами с верхних полок; какой-то парень снял сапоги, и его босые ноги оказались в тесном соседстве с моей физиономией. В семь часов утра мы прибыли на маленькую станцию Ясная Поляна.

Перед нами открылись действительно зимние картины, все покрыто снегом, а вокруг густые сосновые и березовые леса. Мы зашли в небольшой домик около станции, чтобы выпить чаю. В домике было две комнаты, разделенные кухней. Молодая женщина, хозяйка одной из комнат, вскипятила самовар, накрыла на стол, на котором уже красовался большой каравай ржаного хлеба.

Окончив завтрак, мы погрузились в сани, устланные соломой, и покатали к дому Толстого.

Наши сани подпрыгивали по дороге, шедшей через большую деревню, а затем по широкой аллее, ведущей прямо к двухэтажному белому дому. Старый швейцар открыл дверь и предложил осмотреть музей — некоторые комнаты оставлены так, как они были при Толстом. Эти комнаты не отапливались и имели очень мрачный вид. Простотой и неприязнительностью они напоминали обычный дом американского фермера: большая гостиная и столовая с длинным столом и большим пианино, фамильные портреты работы Репина на стенах, маленький кабинетный письменный стол, спальня с простой узкой кроватью, старый умывальник, здесь же висел старенький халат Толстого. Как скромно, должно быть, он жил!

В этот день была семнадцатая годовщина смерти Толстого. Мы прошли по дорожке к его могиле. Она прекрасно расположена в роще из берез и сосен, никакого камня на могиле, как этого хотел Толстой. Но крестьяне убрали холм вечнозелеными ветвями... Назад мы с трудом пробирались по мягкому снегу, покрывшемуся сверху замерзшей коркой, температура уже была 10° ниже нуля. В деревне возвышается большое белое каменное здание — «совхоз» (государственная ферма), там мы остановились и попросили разрешения отдохнуть. Как только узнали, что пришел американский писатель, все засуетились вокруг нас. Потом нас проводили опять в дом Толстого, по просьбе младшей дочери Толстого, которая специально приехала из Москвы на эти дни. Жилые комнаты дома представляли собой картину гораздо более привлекательную, в жилых комнатах — обеденные столы, полки с книгами, цветы, в углу — кафельная печь, напротив — большое низкое, очень уютное кресло. Племян-

ница Толстого, старая женщина, приняла нас до чрезвычайности любезно, угостила чаем и хлебом с сыром. Потом снова были поданы сани, и мы снова поехали на могилу Толстого. Мы увидели длинную цепочку людей, двигавшихся по снегу по направлению к могиле, — может быть, человек двести крестьян из деревни и ученики школы имени Толстого. Они собрались вокруг могилы и украсили ее осенними цветами. Дети прекрасно пели старинную русскую молитву «Вечная память»...

Миллюков, друг Толстого, выступал с речью, затем выступала дочь Толстого, затем мужичок с косматой бородой и добрым улыбающимся лицом читал наизусть стихотворения, написанные на смерть Толстого. Снова дети пропели ту же молитву, и процессия такой же цепочкой двинулась обратно через лес...

Возвратившись в дом, мы отправились наверх, чтобы немного уснуть, так как ночью в вагоне мы почти совсем не спали. Отдохнув, часа через два с небольшим я спустился вниз к обеду. Там было уже много гостей и среди них Миллюков. Племянница Толстого говорила по-английски, но, не имея практики, подчас объяснялась с трудом, дочь его говорит по-английски очень хорошо.

Я вступил в живую дискуссию по поводу жизни крестьян с Миллюковым, который, казалось, хорошо знал русскую деревню. Он, со своей стороны, хотел, чтобы я передал президенту Кулиджу письмо от окрестных крестьян, в котором они просят его воспрепятствовать интервенции в Россию. Вечером все крестьяне пришли в дом на вечер памяти Толстого, который был устроен в гостиной, где Толстой всегда обедал и принимал гостей. Слушали пластинки с записью голоса Толстого на английском, немецком, французском и русском языках. Племянница сама сыграла похоронный марш Шопена, школьный хор исполнил песню на смерть Толстого, какая-то женщина читала отрывки из биографии Толстого и рассказы о нем, рисующие его жизнь в Ясной Поляне, включая отрывок из воспоминаний Станиславского. Затем племянница сыграла любимое произведение Толстого — бегховенскую Патетическую. Мужичок, который читал в лесу, теперь застенчиво вышел вперед и прочитал свои собственные стихи о Толстом. Сам он — школьный сторож. Одет он был в старенькое потертое пальтишко, через плечо висела котомка, на ногах были высокие сапоги, простое его лицо освещалось детской улыбкой. Он был, кажется, неграмотен.

Потом племянница Толстого прочитала один из его неопубликованных рассказов, и все смеялись. Было много музыки, пения, и затем гости отправились вниз, где были приготовлены чай и сэндвичи.

У меня был замечательный разговор с дочерью Толстого, которая много рассказывала мне о своей работе.

...Чтобы избежать посадки на «Максим», мы решили ехать на санях в Тулу, большой город, всего в 20 верстах от Ясной Поляны. Отправились мы в 10 часов вечера. Нам дали огромные овчинные тулупы, в которые мы укутались буквально с ног до головы и, облаченные таким образом, пребывали в совершенном тепле, несмотря на то что холодный ветер дул в лицо... Сани медленно двигались, постепенно приближаясь к огням города, которые отражались в небе над снежными полями. В пригороде Тулы мы пересели в новенький, с иголки, автобус, который только что прибыл, и поехали на станцию. Там мы смогли купить билеты в международный вагон и поехали в Москву уже в сравнительной роскоши. Прибыли в 6 утра.

23 ноября 1927 г.

Интервью со Свидерским, заместителем комиссара земледелия. Это человек средних лет, с первого взгляда в нем угадывается острый ум.

— Сколько в России крестьян?

— 100 миллионов.

— Как между ними распределяется земля?

— Это зависит от местных условий. В центральных промышленных губерниях на каждого едока приходится 1,8 десятины. В районах Волги — 5 десятин, в Сибири — 15.

— Что именно облагается основным налогом?

— Семья облагается налогом в зависимости от числа ее членов. Чем семья больше, тем больше налог. Считается, что чем семья больше, тем она богаче, так как у нее больше земли. Но если из всей семьи работают только двое — муж и жена, то и налог с этой семьи меньше. Например, если у крестьянина 8 десятин земли, но работают в семье только двое, то это бедный крестьянин.

— Почему же вы не отбираете у него землю, если он не может всю ее обработать?

— Потому что после революции каждый член семьи получил право на определенный надел земли. Правительство помогает бедному крестьянину кредитом и т. п. Правительство не может отобрать у крестьянина землю, положенную ему по закону, даже если он и не в состоянии обрабатывать ее своими силами. А если бы у него и отобрали землю, то он стал бы только еще беднее. Имея же землю, он может сдать ту часть ее, которую сам не в состоянии обработать, в аренду. Однако если крестьянин сдает землю в аренду более трех лет, тогда правительство конфискует ее.

— Не лучше ли было бы руководствоваться в этом вопросе теорией Генри Джорджа? То есть государство владеет землей и сдает ее крестьянам в аренду. Крестьянин может арендовать такое количество земли, с которого он в состоянии выплатить государству определенные поставки. Если он взял земли больше, чем может оправдать поставками государству, он должен вернуть часть земли. Если же он вообще не приспособлен к сельскохозяйственному труду и плохо работает, он может уйти из деревни и заняться чем-нибудь другим.

— Нет, такая система для нас не подходит. Если бы мы последовали ей, то крестьянин имел бы столько земли, сколько позволял бы ему достаток. Джордж признает национализацию, но, если следовать его системе, среди крестьян не будет равенства. Мы же говорим, что земля принадлежит всем крестьянам. Есть семьи очень сильные, они могут хорошо работать. Поэтому мы пытаемся помочь более бедным крестьянам, давая им возможность работать вместе с другими крестьянами в кооперативах; кооперативам дают кредиты на покупку оборудования. Между капиталистической и социалистической системами есть разница. Если мы сможем помочь крестьянам подняться на ноги, мы поднимем и нашу промышленность, если нет — к власти вернется буржуазия.

...— Можно ли сравнить положение русского крестьянина и крестьянина Западной Европы?

— Наш крестьянин и крестьянин в Западной Европе — это совершенно разные типы. Во время моей поездки в Германию я посетил одну крестьянскую школу в Кенигсберге. Я увидел там молодых людей, одетых в униформу. Я спросил, кто они такие. Крестьяне. Они платят по сто марок в год за обучение и живут в частных домах, за что платят еще по 300 марок. У нас даже в самых богатейших местностях наши крестьяне не смогли бы платить таких денег. Наш крестьянин — это мелкий предприниматель.

Но мы делаем сейчас очень много, чтобы как можно выше поднять уровень жизни наших бедных крестьян. Сегодня, например, ко мне должен прийти крестьянин из мест, где я работал после революции. Тогда

у него не было ни сапог, ни самовара, никакой мануфактуры. В деревне не было ни школы, ни больницы, ни кооператива. Сейчас все это есть.

— Все ли ваши крестьяне теперь обеспечиваются необходимыми орудиями, все ли могут учиться? Я имею в виду национальность, крестьян всех национальностей.

— Да, все, даже самые маленькие народности, которые еще и поныне находятся на очень низком уровне развития, охвачены сейчас сетью школ, получили возможность учиться, а также получают необходимое оборудование и помощь через партийные, профсоюзные органы, кооперативы, радио. Например, сегодня утром произошел такой случай. Кочевники из Казахстана прислали ко мне делегацию из 15 человек. Эти люди переезжают с места на место со своими стадами. Теперь они постепенно уже приучаются к оседлости, и сегодня они пришли ко мне с просьбой дать им трактора — не лошадей, а прямо с ходу трактора! И не один трактор, а много. Они разговаривали со мной через переводчика, так как они даже не знают еще русского языка.

...— Как вы думаете, сколько потребуется времени, чтобы ваши крестьяне достигли приличного уровня жизни?

— У нас есть пятилетний план, который, однако, не может охватить всех деталей. Лично я думаю, что этот процесс займет лет десять.

...— Какие факторы могли бы стимулировать это развитие?

— Разные, конечно, но прежде всего, индустриализация, особенно электрификация, строительство хороших дорог.

...— Не лучше ли строить шоссе для автобусов и автомобилей, чем железные дороги?

— Для нас нет. Но тем не менее в марте начнет работать специальная комиссия по автодорожному строительству.

...— Почему вы не замените трамваи на улицах автобусами и троллейбусами?

— Для нас это практически невыгодно, так как эти машины мы должны покупать за границей.

...— Что вы можете сказать по поводу известной медлительности в работе русского крестьянина, по сравнению, скажем, с американским?

— Это всего-навсего старая басня. Существует много всяких легенд о русском крестьянине. Но теперь ведь всем ясно, что русский крестьянин проявил достаточно энергии, чтобы сбросить царя и завоевать Советскую власть.

Наши крестьяне получили за три года 30 000 тракторов. Мы боялись, что крестьянин не сможет управлять трактором, но наши страхи оказались напрасными...

24 ноября

Вечером пришел Сергей Сергеевич Динамов, чтобы оформить мой договор с Госиздатом. Я вступил с Динамовым в долгую дискуссию об индивидуализме, вернее, об аристократии ума в противовес власти масс. Бедняга совершенно измучился во время этой пытки, но время от времени бросался в бой с новыми силами.

Пятница, 25 ноября

В 11.30 вечера в международном вагоне мы выехали в Ленинград.

Суббота, 26 ноября

После завтрака поехали в открытой машине осматривать Ленинград. Не думаю, что я когда-либо видел более прекрасный город... Серый туман, который обычно висит над Ленинградом, окутывал дымкой заме-

чательные здания, купола великолепных церквей. Мраморные колонны зданий и памятники были покрыты инеем, и это придавало камню какой-то удивительный колорит. Проехали мимо Зимнего дворца, который в этом году был восстановлен в своих прежних белых и темно-зеленых тонах... Переехали на другую сторону реки и подъехали к Петропавловской крепости. Сначала нас провели в собор, где показали гробницы царей и их жен, все они из мрамора с золотыми крестами.

Пересекли заснеженный двор и подошли к крепости, спускающейся вниз, к самой воде. Внутри — камеры, одна за другой, в страшной монотонности, каждая из них представляет собой большую каменную коробку с высоко расположенным зарешеченным окошком — железная койка, железный стол и умывальник в углу. В тяжелой железной двери — узкая застекленная щель, через которую стража заглядывала в камеру, кроме щели — маленькая дверка на петлях, через которую в камеру просовывалась пища. Заключенные в камере были совершенно изолированы, ни один звук не проникал к ним через толстые каменные стены, но они все же нашли способ общаться друг с другом, перестукиваясь через стены. Одна из камер использовалась для абсолютной изоляции заключенного, так как примыкающие к ней помещения являлись складами, и сидящий в камере не мог даже перестукиваться с соседями. Другая камера являлась карцером. Толстый деревянный щит опускался на окно, и заключенный оказывался в абсолютной темноте. В камерах этой крепости были заточены Вера Фигнер, декабристы и другие знаменитые революционеры.

Когда мы возвращались домой, мы увидели церковь, наиболее прекрасную из всех, какие я когда-либо видел. Оказалось, что это татарская мечеть с большим конусообразным куполом, оригинально выложенным голубой майоликой и каким-то белым материалом, напоминающим фарфор...

Вечером наши неутомимые хозяева отправили нас в театр. Опера «Евгений Онегин» была так скучна, несмотря на хорошую музыку Чайковского, что мы ушли в конце первого акта. Сюжеты старой русской оперы чрезвычайно пресны. В ресторане под крышей мы встретились со своими хозяевами из ВОКСа, веселье было в разгаре. Джазовый оркестрик громыхал вовсю, посетители отчаянно отплясывали нечто вроде фокстрота и чарльстона: здесь был нэп, и новые буржуа справляли свой час.

Понедельник, 28 ноября 1927 г.

В 10 часов утра интервью с Иваном Ивановичем Кондратьевым, заместителем председателя Ленинградского областного Совета. Это очень простой на вид молодой человек, до революции он был рабочим-металлистом...

...— В чем заключается ваша деятельность?

— Во-первых, административная работа в городе и губернии, как у губернатора штата.

...— Под вашим контролем находятся фабрики, магазины и т. п.?

— Да. В нашем районе два вида промышленных предприятий: предприятия общегосударственного значения и предприятия, имеющие местное значение.

Промышленность Ленинграда выпускает продукции на 300 миллионов рублей. Судостроение, производство машин, турбин, текстильных изделий и т. д. имеют общегосударственное значение. Местная промышленность — обувные фабрики, бумажные, строительных материалов — удовлетворяет местные нужды... Но правительство все больше развивает в Ленинградской области тяжелую промышленность. Мы получаем очень много правительственных заказов на машины, различные материалы. К

сожалению, мы не можем выполнить все эти заказы, так как не хватает материалов, денег, машин. Основную часть наших капиталов мы используем для расширения индустрии. Все 15 миллионов прибыли, которую мы имели за прошлый год, были вложены в индустрию, но необходимость расширять производство растет и растет.

— Куда пошли бы эти 15 миллионов, если бы вы не вложили их снова в промышленность?

— Конечно, многие сферы остались без этих средств, но, имея мы не 15, а 150 миллионов, мы бы опять вложили их в промышленность, так как вынуждены удовлетворять главные нужды страны. Будь у нас больше денег, мы вложили бы их в новые промышленные предприятия — например, в новую фабрику искусственного шелка. Мы бы построили новую деревообделочную фабрику, но ведь мы должны покупать оборудование для них за границей. Оборудование для химической индустрии мы вынуждены ввозить из Германии.

— Но эта программа промышленного развития требует затраты средств, которые могли бы пойти на строительство жилых домов для рабочих, санаториев и других общественных нужд?

— Да, это, конечно, так, и определенную часть средств мы затрачиваем на улучшение быта. Город растет, растет его промышленное население и нужды этого населения.

— Что вы можете сказать о женском труде в промышленности по сравнению с прежним временем?

— Сейчас в промышленности работает гораздо больше женщин.

— Не является ли это причиной безработицы?

— Да, конечно. Но рост промышленности способствует уменьшению безработицы. Сейчас в Ленинграде 136 000 безработных. Из них 96 000 — женщины, причем 60% из них ищут работу в первый раз.

— Как скоро, по вашему мнению, удастся ликвидировать безработицу?

— Трудно сказать. Это зависит не только от внутренних, но и от внешних условий. В то же время не хватает опытных, квалифицированных кадров, и мы должны обучать рабочих, чтобы заполнить эту брешь.

У нас имеются специальные рабочие школы, в которых разным профессиям обучается 11 000 человек; курс обучения длится от 7 до 8 месяцев, затем эти рабочие направляются на фабрики в качестве учеников.

— Значит, там учатся только молодые рабочие?

— Нет, и молодые и старые. Для молодежи есть специальные промышленные школы прямо на фабриках.

— Безработные голодают?

— Вот цифры из отчета Ленсовета: безработный получает пособие от правительства (35 рублей для человека, имеющего семью) и 28 рублей от профсоюза, плюс все преимущества, которые имеет член профсоюза, он платит минимальную квартирную плату — 5 копеек. Мы организуем общественные работы на улицах, железных дорогах; работа тяжелая — для мужчин; полегче — для женщин; за эту работу они получают от 1 рубля 60 копеек до 2 рублей в день... Около 60% всех безработных — члены семей, где есть работающие.

— Что делает советское правительство с лодырями, бездельниками?

— Если человек твердо отказывается работать, мы можем исключить его из профсоюза. Но мы очень терпеливы с квалифицированными рабочими, когда они отказываются от черной работы, не требующей их умения и опыта.

— А что вы можете сказать о жилищных условиях? Я видел, что в Москве рабочие живут в очень плохих условиях. Даже в новых домах они живут по пять, по семь человек в одной комнате, не имея отдельной

ванны. Разве правительство не стремится поднять уровень жизни рабочих? Разве не лучше для рабочих семей иметь отдельные квартиры?

— Мы бедны, перед нами много задач. Мы можем удовлетворять культурные потребности рабочих только с помощью самих масс. Все, что вы говорите, необходимо. Мы были бы очень рады построить для каждой семьи трехкомнатную квартиру с ванной, но эта квартира стоит 12 000 рублей, а мы на эти деньги сейчас сможем обеспечить жильем гораздо больше людей...

Тяга к образованию и культуре у рабочих после революции — огромная. До революции для мужчин была только водка, для женщин — церковь. Если бы мы имели дело с людьми уже образованными, все проблемы решались бы много проще.

Вторник, 29 ноября

Вечером мы поехали в Совкино и посмотрели две превосходные картины «Шторм» и «Бабы рязанские». «Шторм» — это история из времен гражданской войны. Дело происходит на юге. Русский матрос принимает участие в Октябрьской революции в Петрограде и затем командует отрядом красных солдат на юге. Во время похода они берут в плен небольшую группу бандитов, которыми руководила женщина. Женщина молода, привлекательна и отважна. Она начинает испытывать свои чары на матросе, и, вопреки советам своего помощника, командир разрешает ей поселиться в их комнате. Молодой помощник с неодобрением и настроенностью наблюдает за развитием их отношений. В одном из взятых городков она подговаривает своих бандитов ограбить прежнего владельца дома, в котором они остановились. Молодой помощник командира застаёт их на месте преступления, и женщина его убивает. Когда командир узнает об убийстве, это потрясает его, он мучится угрызениями совести и отдает себя на суд своих солдат, обвиняя себя в том, что предал друга из-за женщины. Солдаты не хотят наказывать его, приводят бандитов во главе с женщиной, и командир сам отдает приказ расстрелять их. Сюжет очень интересен и хорошо разработан, съемки хороши, и с технической стороны фильм превосходен.

Вторая картина — чудо. Никогда не видел такой прекрасной операторской работы. Фильм захватывает, характеры героев, сцены очень правдивы. Место действия фильма — деревня в Рязанской губернии. Главный герой — большой, упрямый старик крестьянин, с длинной бородой и пронзительными жестокими темными глазами, властный и деспотичный. Старший его сын к началу фильма уже погиб на войне, которая все еще продолжается (1916 год). Отец принял в свой дом его жену, которая теперь живет с ним и его женой. Младший сын-жених живет с отцом и сестрой, своенравной девушкой с таким же сильным, как у отца, характером. Она влюблена в кузнеца и уходит к нему, не получив согласия отца, что, естественно, делает ее брак незаконным по обычаям старой России.

Отец собирается женить сына и приглашает в свой дом девушек со всей округи, чтобы выбрать ему жену. Случайно на смотрины попадает девушка из соседней деревни, которая уже знакома с его сыном и нравится ему. Она приглянулась и старику, и он выбирает ее в жены сыну. Следует веселое обручение, молодые счастливы, но вскоре молодого призывают на войну, и в доме остается старик с тремя женщинами, на плечи которых ложится все хозяйство. Через три года приходит известие о смерти младшего сына, и отец сразу открыто начинает ухаживать за молодой вдовой. Это сейчас же замечают вдовы, и незаслуженная ненависть обрушивается на голову невинной женщины. Приходит момент, когда старик подступает к ней, в конце концов он насилует ее, и она рождает

ребенка. В это время приходит известие, что ее муж жив и едет домой. Молодая женщина в ужасном положении; поносимая и ненавидимая свекровью и невесткой, презираемая и осмеянная всей деревней, она с ужасом ждет возвращения мужа. Когда он приезжает, женщины, несмотря на то, что им прекрасно все известно, рассказывают ему об измене жены и о том, что она родила ребенка неизвестно от кого. Он прогоняет жену. В отчаянии она бежит к реке, на берегу которой происходит в это время весеннее гулянье, и бросается в нее. Когда ее тело приносят в дом, туда приходит блудная дочь старика. Она забирает ребенка, говоря, что отдаст его в детский дом, и просит брата сообщить об этом отцу ребенка — их отцу. Она выходит из дома и идет с ребенком по дороге.

Сын, поняв наконец, что произошло, идет на отца с поднятой рукой. Кроме небольшой сцены в детском доме, весь фильм отмечен большой художественной правдой. Колышутся поля пшеницы, поспевающей под лучами солнца, живописны костюмы крестьян, хороши деревенские улицы... И как во всякой серьезной картине Совкино, в основе — социальная идея.

Перевод с английского Н. КОВАЛЕНКО